

Л. Н. ТОЛСТОЙ О ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

М. Г. Лобан

УО МГПУ им. И. П. Шамякина

Говоря о роли русских классиков в развитии не только мирового литературного процесса, но и философско-эстетической мысли, В. Лакшин отметил одну важную особенность в восприятии художественного наследия Л.Н. Толстого: «Белинский говорил о Пушкине, что он принадлежит к числу вечно развивающихся явлений, – каждое время, каждая эпоха, каждый век по-новому воспринимают поэта. Лев Толстой с его огромным, почти необозримым литературным наследием тоже относится к числу явлений, вечно развивающихся. Сегодня мы воспринимаем Толстого, думаем и говорим о нем иначе, чем говорили о нем его современники, иначе, чем восприняло его наше литературоведение в 20–30-е годы, иначе, чем думали, говорили и писали о нем мы сами в 50-е и 60-е годы. Толстой – современник и новейшего времени, наших 80-х годов, летящего к концу века. Как сама наша планета в движении вокруг Солнца

поворачивается таким образом, что освещается то одна, то другая ее сторона, так наиболее ярко высвечивается в созерцании человечества то одна, то другая часть великого наследия» [1, с. 104].

Сегодня мы можем объективно оценить «значение фигуры Толстого» уже для почитателей его творчества в XXI веке, ибо многие положения толстовской «философии жизни» остаются актуальными до сих пор.

История духовных исканий писателя была исследована многими критиками, литературоведами, философами и даже «собратьями по литературному цеху» – всеми, кому небезразлична судьба «вселенского мудреца и вселенского художника» (Н.Н. Страхов, С.Г. Бочаров, А. Скафтымов, Н.К. Гудзий, М.Ф. Овсянников, И. Пруссакова, Ю.В. Лебедев, Э.С. Афанасьев, М.Л. Гельфонд (Клюзова), Г.А. Попов, Ю. Бондарев и др.).

В. Лакшин в статье «Возвращение Толстого-мыслителя» (1988) попытался объяснить, почему отношение к русскому классику XIX века в России и за рубежом складывалось так неоднозначно. Собрал и проанализировав огромный материал из русских газет конца XIX и начала XX веков, исследователь в книге «Интервью и беседы с Львом Толстым» (1986) рассказал в ретроспективе, «как мир постепенно узнавал» писателя: «Настоящая известность, пришедшая к Толстому во всем мире в 90-е годы, соединяла его славу великого художника и создателя новой веры, учителя жизни. По существу мир не знал «двух Толстых» – до и после перелома в его мировоззрении, происшедшего в 1879–1881 годах. Романы и трактаты узнавались публикой почти одновременно. В отличие от России, где слава Толстого-художника укоренилась двумя-тремя десятилетиями прежде, а случившаяся с ним, в его сознании, перемена была у всех на виду, мир воспринял его не только как творца художественных чудес, но как создателя какой-то новой, всемирного значения идеи, идущей из России. Уже в 1890 году в немецких журналах писали о Толстом как об «апостоле», а в 1896 году в Америке, в Филадельфии, вышла книга «Толстой – русский апостол»» [1, с. 105].

28 августа 2018 года мы будем отмечать 190-летие со дня рождения великого писателя, мыслителя и проповедника. Настало время, когда «каждая строка Толстого» должна быть «подвергнута внимательному изучению, новому прочтению и толкованию, что время иначе не может высветить его фигуру, что мы по-новому поймем что-то в Толстом и оттого важно сохранить его наследие в его целостности» [1, с. 114]. Настало время, по словам Ю. Бондарева, «изучать серьезных художников, искавших пути спасения и благо людей своего времени» [2, с. 3].

Писатель не только разрабатывал свою «философию жизни» теоретически, но и «личным жизнеповедением» доказывал ее правоту. «И не такой уж обычной для мира вещь было, что человек, оказавшийся у всех на виду, хочет подтвердить практикой жизни верность своих взглядов, – пишет и В. Лакшин. – И пусть делает он это непоследовательно, с отступлениями и отклонениями, за которые сам себя бичует, но великая личность обрисовывается как раз в этой цепи поступков: отказ от привилегий класса, от собственности на сочинения, воздержание от художественного творчества как барской забавы, готовность поплатиться за свою «ересь» отлучением от церкви, тяга к простому земледельческому труду т. д. и т. п. – вплоть до «ухода» и смерти в пути, этой последней попытки привести в согласие жизнь и вероучение. Попытки героической, когда восьмидесятидвухлетний старец рвет со всеми понятиями домашнего покоя и цепкой рутины, – как бы ни относиться к его невероятному порыву в малом, житейском смысле слова» [1, с. 106].

Много ценного и дальновидного несут в себе отдельные духовные заповеди Л.Н. Толстого. Они дают ответы «на проклятые вопросы» каждому, кто хочет их получить.

Заповедь первая: «Я верю в лучшее Человечество и в конечную победу моего идеала Мира, Любви и Правды среди людей. Вероятно, ни я, ни вы не увидим торжества этого идеала. Все это слишком далеко. Но Человечество, я верю, идет к этому идеалу через все ошибки и ужасы настоящего».

Заповедь вторая: «Какая же была бы жизнь без идеалов и что это за идеал, если стоит лишь протянуть руку, чтобы до него достать? Уж коли признаешь справедливость идеи и красоту какого-либо идеала, необходимо делать усилия, чтобы как можно ближе подойти к нему».

Заповедь третья: «Государственный патриотизм служит только богатым и властительным себялюбцам, которые, опираясь на вооруженную силу, притесняют бедных. Всеобщая любовь к людям – вот что меня воодушевляет, всеобщая свобода, труд и прогресс! Пусть все народы поймут друг друга, протянут друг другу руки и станут братьями».

Заповедь четвертая: «Война – это просто большая драка. Она возникает из безнравственного стремления отнять у людей их землю и присоединить к своим владениям. Война пробуждает к жизни всевозможные злодеяния. Я хотел бы навсегда изгнать это зло из жизни людей. А такая мягкотелость, рассуждения на тему «когда обстоятельства вынуждают»... ничего хорошего не принесут».

Заповедь пятая: «Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие – душевная подлость».

Заповедь шестая: «Люди в тысячу раз больше хлопочут о наживании себе богатства, нежели об образовании своего ума и сердца, хотя для нашего счастья то, что есть в человеке, несомненно важнее того, что есть у человека».

Заповедь седьмая: «Все деяния должны быть определением воли, а не бессознательным исполнением телесных потребностей».

Заповедь восьмая: «Ежели ты начал какое бы то ни было дело, то не бросай его, не окончив ... Исполни все то, что ты определил быть исполнену».

Заповедь девятая: «Будь верен своему слову».

Заповедь десятая: «Не заботься об одобрении людей, которых ты или не знаешь, или презираешь».

Этих нравственных истин можно найти множество не только в дневниках писателя и его философско-публицистических трактатах, но и на страницах художественных произведений, которые знает и перечитывает все человечество. «В заповедях Нагорной проповеди видел Толстой нравственный закон праведной жизни, дело всего человечества, – замечает Ю. Бондарев. – Это в первую очередь – непотворение злу, затем постулаты христианской этики: не прелюбодействуй, не клянись, возлюби врага своего, не суди ближнего, не убий...

Осуждая толстовские несовершенные надежды (как и мечту Достоевского о земном братстве), мы, люди восьмидесятых годов XX века, самонадеянно думаем, что проповедник совершенствования, естественно, не дорос до нашего прагматически-электронного и марксистского понимания жизни. Не ошибаемся ли мы? Может быть, технократический век, зайдя в тупик, растратив последние крохи гуманности в погоне за бессмысленным обогащением, еще вспомним о всех нравственных учениях, как о единственном человекоспасении?» [2, с. 6]. Что можно ответить нам, вступившим в XXI век, на эти нравственные предостережения классиков русской словесности?

Список использованной литературы

1. Лакшин, В. Возвращение Толстого-мыслителя / В. Лакшин // Вопросы литературы. – 1988. – № 5. – С. 104–117.
2. Бондарев, Ю. Мой Толстой. К 160-летию со Дня рождения Льва Толстого / Ю. Бондарев // Наш современник. – 1988. – № 12. – С. 3–6.